

Александр ВОЛОВИК

КУРС КУРСОРА

Стихи 2018-2019

Москва

ММХХ

Александр Воловик, КУРС КУРСОРА, стихи 2018–2019,
М.: «Вручную», 2020, 60 с.

В настоящую книжку входят некоторые стихотворения
А. Воловика, написанные в 2018–2019 гг.

В ноябре-декабре 2019 года вышла книжка «Всему тик-
так», которую можно считать прообразом настоящей. Её
тираж составил около 20 экз. и полностью разошёлся.
По сравнению с «ВТТ» сюда добавлено десять стихов.
Книжка состоит из пяти разделов. I — социалка; II — о сти-
хотворчестве; III — эксперимент; IV — лирика; V — корот-
кие стишки разной тематики.

© Воловик А.И., 2019.

© Издательский дом «Вручную», 2020.

Сетевые ресурсы автора:

<http://poezia.ru/user.php?uname=Volovik>

<http://stihi.ru/avtor/volovik>

Контакты:

a-volovik@yandex.ru

alexander.wolowik@gmail.com

© Воловик А.И., 2019.

© Издательский дом «Вручную», 2020.

МИР БЫЛ ПРЕКРАСЕН...

Мир рвался в опытах Кюри
Андрей Белый

Мир был прекрасен, в меру пёстр,
он был театр, а мы — актёры.
То увертюровал оркестр,
то под сурдинку, как котёнок,
мяукал что-то о любви,
то барабанил под знамёна
о Родине, то удивлённо
и фортепьянно звуки лил
в том смысле, что — тихи озёра,
что звонки птахи и ручьи,
что листьев лапчаты узоры,
а звери дики и ничьи.
И ветер дул. Сверкали звёзды.
И Солнца яростный кумир
служил юпитером негрозным,
и был прекрасен (в меру) мир.
А мы зубрили роли честно —
у каждого была своя...

Но гнулся гвоздь с начала пьесы
под весом бомбы с буквой А.

МОСКВОСТРОЙ

Разбойных вёсен свесив завязь
разнузданно и несуразно,
дремучий бор стоял у яуз,
и лоси по болотам вязли.

Пилы не знали ели. Еле
колыша листьями, берёзы
как будто тенью скрыть хотели
непрошенные сосен слёзы.

Но бездорожью и безлюдью
уже готовилась расправа,
и шли неправедные судьи
и громыхали топорами.

Везли товар варяги в греки.
Кругом ворюги шуровали.
Над лесом громоздилась крепость,
и башни по углам вставали.

А на семи холмах окрестных
с утра в церквах звенели звоны,
орал Арбат, пестрела Пресня,
и песни слышались, и стоны.

И кирпичи не без причины
в руках умельцев сделав сальто,
легли туда, где под машины
ковром расстелятся асфальты.

Но зодчим, возводившим стену,
осталась тайна нераскрытой,
Что кольца метрополитена
Освящены митрополитом.

И что колючее и злее
татарника-чертополоха
просвищут мимо мавзолея
ракеты в новую эпоху.

А где овраги, как отрада,
дают приют грибам-опятам,
железом грянет баррикада,
и замахнётся брат на брата.

Но это — после. А покуда —
Шёл Москвостроя пёстрый праздник.
И город выростал, как чудо —
древесный, северный, прекрасный!..

ПАРАДИГМА

Порядков наших парадигма —
союз щита и топора.
Врагам Отчизны всё противно:
то денег мало им, то прав.
То царь мешает им, то мусор...
Но наш закон суров и твёрд.
Любому гаду храбрый мусор
в анал воткнёт шуруповёрт!

ПИГМАЛИОН

Я чучельник здравого смысла,
комический таксидермист.
Шагнув, Перестройка зависла.
Как путь её крут и тернист!

И прежнюю скрепу-опору —
совковый мучительный рай —
вернёт удивительно скоро
а новом этапе спираль.

Где вместо Советов — Запреты:
законы, указы, табу...
И правда, что́ нам интернеты!
Да мы их видали в гробу!

Мы чутко внимаем запретам.
Поём запретителям спич.
Как сказано было поэтом,
нас резать пора или стричь.

Над нами глумятся бояре:
«Запрет, мол, — свободы приют.
А эти в сивушном угаре
и тухлую жвачку сжуют».

Но гневный мой друг амфибрахий —
так лихо не *пикнет* ли он,
что Смысл зародится без траха.
Как будто я Пигмалион!?!..

* * *

Вот город Киев. Я гуляю в нём.
Кругом майданы и *пузаты хаты*.
Я не скажу, что так уж я умён.
Я промолчу: надёжней это как-то.

Я честный одиночка-маргинал.
Я тщусь рычать. Я маленький Высоцкий.
Я все слова на буквы разобрал
и их вращаю в воздухе, как кости.

Потом сложу за буквой букву встык
и встану, от натуги злой и грустный.

До Киева меня довёл язык.
Обычный. Русский. Письменный и устный.

* * *

На арене на международной
клоунаде не видно концов.
Клоун Руж, он лицом не уродлив,
но под маской не видно лицо.
Клоун Бэж говорит по-нерусски,
так что сразу не всякий поймёт.
Клоун Блё перекушал закуски,
и его отвратительно рвёт.
Два последние жовто-блакитны,
с ними красному Ружу невмочь...

Добрый день, неужели не стыдно,
что сменила Вас тёмная ночь!

УТИ-ПУТИ-МУТИ

Вы говорите: «Родина в осаде.
Напрячь все силы избавленья ради!
Вперёд к победе поведёт нас Путин!»
А я скажу вам: «Ути-пути-мути!»

Вы говорите: «Хуже год от года!
Когда же, наконец, придёт Свобода?
Народ бесправен и забит по сути...»
А я скажу вам: «Ути-пути-мути!»

Вы говорите: «Надо быть активным.
Нет равнодушным места в свете дивном!
Людей любите! Бога не забудьте!»
А я скажу вам: «Ути-пути-мути!»

Вы говорите: «Вы неандрталец.
В грязи погрязли! Пальцем бы о палец —
и жили в чистоте бы и уюте!»
А я скажу вам: Ути-пути-мути!

Вы говорите: «Деньги это сила,
А вы бедны, нужда вас подкосила.
Трудитесь, получайте куш в валюте».
А я скажу вам «Ути-пути-мути!»

Вы говорите: «Вас же одолели
болезни: тухлый дух в ущербном теле!
Лечитесь же, не дожидаясь жути!»
А я скажу вам «Ути-пути-мути!»

В ЧЕБУРЕЧНОЙ «ДРУЖБА»

Еврей писать обязан про евреев.
Детерминанты¹ славь, алгебраист.
Любовник, поутру щетину брея,
лобзанья наноси на чистый лист.

Огнём, пожарный, опали страницы.
Рифмуй, поэт, витиствуй славы для.
По сини неба — если ты синица —
выписывай круги и кренделя.

Ведь *едэм дас*, как говорится, *зайне*².
Искусство что! А жизнь-то *бревис эст*³.
Которой каждый сам себе дизайнер,
а также композитор и кузнец.

Чадят прилежно пироги для пира
духовного — на совесть, не за страх.
И мне сюжет стишка диктует пиво,
что в чебуречной «Дружба» в Сухарях⁴.

¹ Детерминант (алг.) — скалярная величина, которая может быть вычислена и поставлена в однозначное соответствие любой квадратной матрице. Определитель матрицы A обозначается как $\det(A)$, или $|A|$.

² *Jedem das seine* (нем.) — Каждому своё.

³ *Ars longa, vita brevis est* (лат.) — Искусство вечно жизнь коротка.

⁴ т.е. в Москве на Сухаревке.

LEGO ЖИЗНИ

Кричим: пошёл! ----- ----!

А.С. Пушкин «Телега жизни»

Моё лирическое эго
из-под чернеющего снега
как черепушка печенег,
белеет в жухлых ковылях.
Грохочет Пушкина телега.
Возница материт Олега
(который вещей). Как из LEGO,
из слов стишок растёт, коряв.
А рядом тьма иного мира,
не знающего слова «лира».
Там душу бытом завалило.
Там кот не ходит, паразит,
вдоль по цепи. Там правит сила,
и на помойке киснут сиром
духовного объедки пира,
а враг невидимый грозит —
то повышением квартплаты,
то понижением зарплаты,
«духовных» скреп грозит возвратом
без исключения в каждый дом!..
Там тишь утопла в море мата,
и склока дракою чревата.
Там брат войной идёт на брата
и пахнет в воздухе г----м.
Так восстановим же, коллега,
своё лирическое эго.
С него стряхнём остатки снега
и, очертя, рванём на рать.
В словесное сыграем LEGO
путём возвышенного сленга,
Чтоб снова понеслась телега
по облакам, ----- ----!

НЕ УМ, А ЗВУК

ТИШЕ РАЗУМ: МУЗА РЕШИТ (палиндром)

Д.Е. Авалиани

*Никто не знает, тугоух
и тайн моих не раскусив,
что, когда я ваяю стих,
не ум ведёт меня, а звук.*

Из первоначального варианта

— Что же вы на свет не вышли,
строчки? — скучно в рукаве!
— Дело в том, что нету мыслей,
нету мыслей в голове.

И не надо, и не надо!
Мысли пошлы и скучны.
Звуки — вот одна отрада,
антиподы тишины.

Надо, чтобы среди ночи,
вечерком и поутру
звуки чавкали калоша-
ми округлыми во рту.

Чтоб свистком они свистали,
чтоб гремели, как кирпич,
кувыркающий по стали,
скажем, крыши, грома спич.

Чтобы гукали и пели,
лепетали и лились,
сладкогласные, как феи
по дороге в парадиз.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Редкий случай: собственно, записная книжка.
Настоящая ручка, чернила (гель).
А то всё экран да курсор и сидишь, как
не гуманитарий, а какой-нибудь программист,
например.

И — где жизнь живая у смерти фоном
уже почти что сникла, нематериальная, как душа —
в заметках записываешь за смартфоном
его лучших буковок бледные антраша.

Соображаешь в терминах вёрстки и правки:
выключка, кегль, интерлиньяж...
Хватя ко(д) цифр — грёз мыша в электротетрадке!..
Рассуждаешь! — а, почувствовать-то — когда ж!

А тут — раздолье, свободы вроде...
Но собственный почерк перепугает вдруг:
разобрать бы каракули, когда по приходе
домой начнёшь перетаскивать это в фейсбук!

НА УТРАТУ КНИЖКИ № 110

Прогрессирует прогресс
на потеху зрителям.
Пирожок насущный днесь
чёрств и непрельстителен.
С музой в сотовую связь
ввязываюсь затемно.
В ночь по кнопкам пальцев пляс:
глядь — стишка бредятина.
Приравняв курсор к перу,
за *пир духа* ратуя,
обозвал эту муру
«Книжкой 110-ю».
(Номер взялся не с небес,
жизнь к закату катится.
Чудо-юдо-ПСС⁵ —
точно каракатица!)
Я её — на жёсткий диск,
наслаждался качеством...

Друг-компьютер, починись⁶,
я ж забыл всё начисто!

⁵ Полное Собрание Сочинений

⁶ Он и починился. И вот она, эта книжка!

* * *

Нематерьяльное — причуда языка.
Его существование — иное.
Вот, например, число. Допустим, «пи».
Окружность — есть. Диаметр реален.
Деленье длин желая произвесть,
мы вводим «пи». Его не ощутить,
но мы его склоняем,
как если б это был живой зверёк.
Но тут же трансцендентность замечаем.
Которой ни пощупать, ни вкусить,
ни услышать мембраной чуткой уха...
Так где же π ?..

ПАССИОНАРНОСТЬ ПАССИВА

Сохнущих скрип дубов и разбой побегов
глушат невинно живое твоё лицо.

И не пытайся вырвать у них победу.

Пей не шампань, а терпения тёплый сок.

Делай, что́ должен: малую смальту звука
взвякни в зиянье мозаики — звонче чтоб —
меж междометий, глаголов и тусклых стуков:
стоп несказуемых — кротких предлогов об.

Орнаментально, почти что комбинаторно
проб перебор переборет парад бугров⁷,
не пререкаясь с придворным трезвоном горна
и не братаясь с когортой его врагов.

Спектром магическим в небезызвестной призме
синтаксис смело криви и коверкай слог,
каменнолико на празднике и на тризне
равно нейтральный, пассивный, что твой залог.

И, постигая пассионарность пассива,
пóступи пестуя шалый летящий шаг,
ты не истлеешь слепою строкой курсива,
а воспаришь — как светящийся яркий шар.

⁷ бугор — начальник; элемент «элиты»; «известняк».

А.В.ТОПАРОДИЯ⁸

Апологет карбоноокой тьмы,
Я безделушки мастерить умею.
И я давно с поэзией на мы,
азы которой пестую в уме я.
Я сам себе как автор намудрил
всей ледордяни глокой злую заушь,
отлитый на заводе мандарин,
облившийся петлистыми слезами.
Звуча, как звук, созвучья рифмовал.
Средь дыр был щами. Лайкал Джомолунгму.
А когда в люстру мотыльком попал,
то полагал, что это дюже умно.
От лимерика отличить верлибр
и от хорей ямб — и то немало!
Бог создал мир. А кое-кто бурлил...
Я — маргинал. Легко ли маргиналам!

⁸ В пародии намёки на следующие мои произведения: «Ледордянь», «Лайки», «Безделушечный мастер», «Бог создал бороду...», «Смеюнчик» (там «куздраслевая» подразумевает куздру, которая глокая), «Мотылькопад», «Неастральное», «На апельсиновом заводе...», «Посвящение А. Е. Кручёных», а также кое-что неопубликованное и кое-что недоделанное или вообще ненаписанное... (См., например, на сайте stihi.ru). А также на названия моих книг «Сам себе автор», М., «Авиатехинформ», 1996 и «Углеглазая мгла», М., «Новый хронограф», 2014.

И СКЛАДНО, И НЕСКУЧНО

Сиди, обыденность, в потёмках,
не тормози мою работу!
Я не люблю писать о ЧЁМ-ТО.
Меня не вдохновляет ЧТО-ТО.
А я люблю писать про нечто.
Про взгляд и нечто. Но такое,
чтобы звенело, как колечко
о подстаканник, золотое.
И чтобы тонкие глаголы
витали, цацкались и пели,
и звуков лёгкие уколы
ознобом отзывались в теле.
Летя стремглав, как света кванты,
чтоб в цель они ложились кучно...

— Так Вы творите как новатор?

— Ну, да: и складно, и нескучно.

ВИТАЛИЙ ГЛЕБОВИЧ

*Встань, слова дикий готтентот,
и вниз, где не был.
Как эфиопский чёрный скот,
боднись об небо.*

Виталий Глебович

Виталий Глебович лежал в своей постели.
Он улыбался: жизнь была легка.
Воспоминания приятно шелестели,
а за окошком проплывали облака.
Вдруг вдохновение схватило за живое,
неспящее — его. В.Г. прерывисто зевнул,
возвысил тенорок свой внутренний до воя
и грозен стал, как Бог, или как Вельзевул.
Ему явилась рифма вдруг: «Боднись об небо —
Аддис-Абеба». Тут схватил он телефон
светящийся, и вот, для будущей потребности,
в раздел «Черновики» её заносит он.
Казалось бы, теперь — на правый бок и немочь
глядеть ночную, а не лупать, как сова,
глазищами. Но нет, не спит Виталий Глебыч,
играющий впотьмах в дурацкие слова.
К утру он сочинит одно четверостишие
(столицу Абиссинии забыв упомянуть).
И тут сознание его свернётся сонной мышью...
Виталий Глебович, не спать!

Встать в тапки!

Время — в путь.

И НЕ НАЙДЯ...

Равнины строк, возвышенности рифм,
длиннот озёра, лабиринт метафор.
Мазок, пресуществляющийся в штрих,
и слушатель, синекдох дегустатор,
объединились для творенья, но —
толпу мечтаний бил ОМОН сомнений,
метались буквы, как толпа лгунов,
тогда как автор, мнивший, что он гений,
продолжил курс курсора в темноте,
шарахаясь по внутренней буссоли
от юга к весту среди идей и тем,
ища тем самым как бы ветра в поле
и не найдя...

ФЕРМАТА

Прикладные стишки, как винтовки с прицелом и мушкой.
Если цель не добьют — рукопашным прикладом крушат.
Прикладные — не чистые. И — не стихи. Потому что —
в них полощется быт и воняет помоев ушат.

Тут с ботинками споро рифмуются полуботинки,
губит розу мороз и кровава бедняжка любовь.
И душа стихотворца садится, как лифчик от стирки,
славословий и лайков освоив рекордный улов.

Не желая их славы, я жажду иного удела.
Сторонюсь от курков, от штыков и, простите, цевья.
Вечность в сторону смотрит, старушка — обычное дело.
Ну и что! Ведь не в ней, а в полёте весь кайф бытия!

На ходу, на бегу, пусть безумно, безудержно, бурно.
Цель — движение. Вне — направлений, колёс, скоростей,
через трафика гул, ни на цыпочки, ни на котурны
не вставать! Остановка летальной постельных смертей.

Финиш. Сам пред собою кичась совершенством формата,
звук и букву солью в монитора слепящем окне.
Суммой пауз бессрочных фигура молчанья — фермата —
увенчает надгробие нерукотворное мне.

СМЕЮНЧИК

смеюнчик верлимирней хлебника
кривротосклив оскаламбурен
прелюбогамной младоступности
куздрастлевая в смотрофон
харрасментарий гуинпленником
непринудист но в терем тюрем
перепалачен шлёпом пупочки
фрибольно взубом в солдафонд

* * *

Был Иван бонвиван.
Завывал, извивался,
напевал (не для дам)
сочленения вальса.
Заявился в вигвам,
в балаган набивался,
ненавидел бедлам
до поломки дивайса.
Заливал нам и вам
и, куда б ни девался,
он как был бонвиван,
бонвиван и остался.

ЭКЗЕРСИС

Челюфил в футляре чихал в чехол.
Чепуха, почудилось, но —
приглашал настырно в загранку фол
и щеглом щебетал в окно.
Синева не жгла сеновал, но ждём
независимой злости зов.
Раздавался свет, линовал дождём
и гремел с верхов до низов.
Через чёртов час в черновой строфе
чередой алфавитных нот
утаивший ФИО сиял корифей
шелухой составных длиннот.
Но услышал шёпот, рванул рычаг,
инженер невесёлых дум.
Отключил ключи и сказал, рыча:
«Дважды два равняется двум!»

* * *

Мы йодим, ядим, юдим.
не гнём не мнём не ймём.
Июнь нам не уютен,
томит, и мы не в нём.

Мы гномы: неуёмны,
невнятны, неумны,
то ямбами поём мы,
то гимном ноем мы.

Немы, немыты, мяты,
напуганы ментом,
и (в том не видя меты)
манимы в моветон.

Нет, мы не атаманы,
и внове нам тонуть,
и мутного тумана
нас добивает муть...

Но новые заданья
зовут за новизной,
заветной, но не данной,
негаданно иной.

* * *

на апельсиновом заводе
из металлического лома
невероятный но реальный
изготавливается истец
на лоне пламенных мелодий
меня сено на солому
он дышит вольно и наглядно
как не из этих как из тех
его фаллические взоры
трубят и горно и тамтамно
его фантомные прикиды
не вьются гультфиками тог
в конце концов он будет взорван
и полыхнёт и тут и там но —
сиянием цитрусовым с виду
бесповоротным как итог

* * *

Дочь умница февраль потеха
Пёс лыс но и петух не сед
Живее щекочи Ревекка
Всему тик-так и хода нет
Помреж наш нёс до пят мочало
И под столицей секретарь
Нос чья длина не зря так мало
Потеха умница февраль

ВРЕМЯ «Ч» РИМСКОГО ВОИНА

Noli tangere circulos meos
Archimede

Время че-
го-то де-
лать вообще-
то, но — где?

Раззуди-
лась заплече-
чья ди-
кость в тепле.

Квадрату-
ру ща кру-
га, в нату-
ре, сотру

Архиме-
ду в уме-
ренном кли-
мате: «Пли!»

НЕ ДО СЕМАНТИКИ

глаз черенок скважина щёлка точка
что положил на что почему не то что
правила побоку цели намёки повод
ало-зелёная рыжь криво-кóсо-хово
дрожь рубежа пережарен угаром мая
текст неясней тостóв гаснет свет мигая
лета легла деталь солнышко откоптело
четырёхмерный след оставляет тело
равнобурлящее с бурным экстазом зомба
неснаряжённую жизнезарядом бомбу
носит и не роняет пустое небо
не до семантики и пунктуаций не до

* * *

я не пожарный и не инок
не воин но штыками штук я
тушу неон неоновинок
и шуток щитовидных струпья

я вынимаю мани-мани
маньяком щупающим тушу
и мне монет непониманье
тузы тузя вистуют в уши

так я во сне пирую духом
перед рассветом и во время
мурлыча старцам и старухам
крик храпа и свистки и трели

а в предпоследние деньки я
нерасторопным бильярдистом
ловлю шары на кончик кия
звеня неузнанным монистом

КАНЮК ПО СРЕДАМ⁹

По средам канюк не канючит,
Конечно! Он точит коньки.
Он — кочет. Но что ж его пучит?
Чем лечится он от тоски?..
Коньков канюку-то не надо:
растаяла хладная гладь.
Но май на дворе, и рассаду,
кто знает, пора *рассаждать*.
То в Канны, то в древнюю Кану
он канет, и нету как нет!
Канюк нам кунак по стакану —
иных коннотаций и нет.
Канюк, коньяком помоги нам!..
Но нет, он, накинув халат,
наладился, накокаинен,
в каное в Коннектикут, гад!
Конец канюку на каное,
каюк канюку и хана.
Но спит он, как конь на покое.
Но конь не дотонет до дна.
Плывёт без волнения пульса,
канюк, как убогий карась.
А что от среды оттолкнулся,
так нынче суббота у нас!

⁹ Написано для вечера в литературном клубе «Подвал №1», который состоялся 25 мая 2019 г. Тема вечера: «Полёт канюка с отталкиванием от среды». Мероприятия клуба происходят по последним субботам месяца.

В СЕДЬМОМ ИЗМЕРЕНИИ

У вас пошло? А у меня пошло!
1999

Метался: не шло. Из стекла ухмылялся двойник. И шло, да не то. Не туда. Не сумел. Не проник. И шло, но — само: не везло, не несло, не цвело. И пахло. Но — вонью. В окне проплыло НЛО. Соко́л пролетел. Прохудился и прежде худой отстойник на кухне, набитый рябой ерундой. Отчаянный чайник нечаянно фукнул в свисток, и тут — началось! Выдвигаясь из пыльных кустов оскаленной клавишей, скрипел чёрно-белый рояль, кряхтел септаккордом и шумно педали ронял. И бурный, как Терек (он буен, я слышал!), был рад разнузданный телек всучить нам нескромностей ряд и их смаковать. Сладковатый вскипел фито-чай и, не повернув головы маяковский кочан, бубухнула гиря, брандмауэр грубо круша (как в фильме Феллини), не строя взамен ни шиша. Ну вот, наконец! Что-то дрыгнуло задней ногой в седьмом измерении так, что немного другой предстала компания знаков, на клетчатый лист набросанных; и изменив выражение лиц, друг другу уже двойники улыбнулись в стекло, и мумрик¹⁰ на Фобос нацелил своё НЛО.

¹⁰ мумрики — самоназвание жителей Фобоса

ЛОРЕЛЕЯ И ДИАРЕЯ

Однажды Лорелею
пустили в галерею.
Она сняла ливрею
И говорит еврею¹¹:
«В своём родном дворе я
схватила гонорею!»
— О, дайте же мне спрея! —
орёт она, зверея.
Но мудрые евреи
вскричали, пейсы брея:
— Опасна гонорея,
Прими пурген скорее!
Не пей настой кипрея
и не зови старлея,
тут не помогут спреи.
Не гумус, не пюре и
не выжимка порея,
а просто диарея!
Да, просто диарея.

¹¹ Там евреи были.

* * *

Раз сказал я Гале, рея
по воздúсям, небожитель:
— Небо, это ж галерея.
Облака сваял Пракситель.
Тут заоблачные дали
всё равно что мрамор бюста...
— Их гигантских гениталий, —
Галя мне в ответ, — боюсь я!
— Ах, бояться их не надо:
не тверды они, а мягки.
Их воздушную бригаду
бесят грубые повадки.
Как они под солнцем рдеют
в своей нежной ипостаси!..
— Да, а ну как затвердеют
и накинута в экстазе!..
— Никакого нет сигналу,
чтоб они так озверели...

И, с небес спустившись, Галю
я подталкивал к постели.

АБОРИГЕНЫ АНТАРКТИДЫ

Аборигены Антарктиды
понаторели в мятежах»
Ни выи гнуть, ни горбить спины
не станут: им неведом страх.
Пускай им угрожают мачты
всех пароходов северян —
они не проиграют матча,
поддержат честь полных стран.
Верхом на боевых пингвинах
они возьмут на бордаж
врага;

 ряды сомкнув и сдвинув,
отбросят не вошедших в раж —
и европейцев бледнолицых,
и азиатов тормозных.
Они бегут, врагу не скрыться,
и налицо победы миг!
Бухие янки, австралийцы
и даже африканец злой
навек учтут героев лица
и бросят думать про разбой.
Пусть в наши мирные пределы
плывёт свободно тихий кит.
Свобода есть святое дело
всех суверенных Антарктид!

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Я Лукрецием каркну, я Овидием визгну,
Предпочту я попкорну непокорную карму.
В лопухах у забора я сыскал бы харизму,
Но харизмы капризны и, бывает, коварны...

Я взовьюсь Ювеналом над порочной планетой,
я проникну, как в поры, в потаённые щели,
где, пока верещали самозванцы-валеты,
короли крыли дам, так что дамы пищали.

Я увижу дотолё невнятное глазу,
очарован природой, а в природе — вещами.
Что ли зря я в салоне «Вдохновение Плаза»
заправляюсь в столовке расстегаем и щами!

Ну, а вещи вещают — такова их природа.
вроде «Эха района» или «Радионяни».
Я подслушал их стуки — это фуги да оды —
но дудеть их не буду, дабы мне не пеняли.

ФИГУРЫ СНА

Приманивал специальным дыханием и сопеньем.
А он рисовал фигуры на скрытой изнанке век.
И тёмный недобрый город в стихах я воспеть успел ли,
теперь и не вспомнить, ибо погас его полусвет.

Неслышимые шарниры на сто степеней свободы
раскалывали движение и определяли ход
медлительных незнакомцев невыясненной породы
(кто только им встроил в чипы иррациональный код!)

Удары венозной крови без промаха бьют в затылок.
Воспоминанья кратки и сладок осадок дрём.
Чудная картина мира, где я ещё жив и пылок.
пропав прожелтила штору скупым ночным фонарём.

* * *

Люблю я буквы разные красивые.
(иных людей они поинтересней).
Полуустава мне милы загибы...
А готика — ведь это просто песня!

Моя душа течёт неравномерно
на сто сторон разносторонних света.
Я холоден к диджеям и спортсменам
и не тащусь от богочеловека.

Я об иных печалюсь персонажах,
над вымыслами слёзы лья, хоть йм цена —
грош на благотворительных продажах.
Мне жалко Ленского и крошку
Румпельштильцхена.

* * *

Стою на том, что стою что-то всё же.
И даже в зрелом чине старика.
Ещё моя строка на стих похожа,
когда каприз мой требует стиха.

В лесу, во сне, в автобусе, за чаем,
когда рыдаю и когда смешно,
я музой Рифмы, в общем, поощряем,
мне «кровь-любовь» — два раза плюнуть.

Но —

ума, таланта всё же подзанять бы,
чем за словами лезть в карман пустой!..
А остальное — заживёт до свадьбы
последней и, как осень, золотой.

Уже мои часы почти пробили,
секунды в нетерпенье теребя,
а я стою на том же, что и лирик
какой-нибудь, мороча сам себя...

* * *

Я живу в первичном мире,
в том, который был ВСЕГДА.
Тут не мчат автомобили,
не роятся города.
Тут не избы, а чертоги,
не сараи, а дворцы.
и живут тут только боги.
Только боги и творцы.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ГЕРЦИКА

Нет, весь я не уймуся! — В. Г.

Я тоскую без Герцика...
Всюду постные лики.
Без Володи — без перца как
или как без аджики.

Он усердствовал яростно
по несбыточным целям,
от галёрки до ярусов,
максимален и целен.

Бил то хокку, то «блямсами»,
точно в бубен меж буден,
островзглядно-неглянцевый,
неуёмен и труден.

И всегда — а иначе как! —
читать и помнить я буду
бородатого мальчика,
просветлённого Буддой.

* * *

Я маленький никтошка,
ништяк, понюшка, крошка.
Мне не по чину ложка:
ладошкой обойдусь.
Нет хлястика — ах чтоб он!..
Я порван, но заштопан.
А всё же лучше штопор,
его я не боюсь.

СОЖРЁТ

Оле Кашкаровой

Крут, кривоват поворот переулочка,
там не растёт ни трава, ни стена.
Тебя сожрёт этот город, дурочка,
потому что город не он, а она.

Нынешний день не весельем помнится —
смерти чудовищным торжеством.
Тебя сожрёт эта память, скромница,
дуло за дуло, ствол за ствол.

Жизнь коротка и смешна, безделица,
того гляди, догорит свеча.
Тебя сожрёт этот мир, рукодельница,
кости обгложет твои, урча.

22.06.2019

*Эту надпись Оля
сфотографировала
на тротуаре.*

НЕАСТРАЛЬНОЕ

Полнея телом неастральным
и тщась — до неба и до дна,
я удручающе нормален,
хоть странностишка бы одна!
Страстишка хоть бы! Ни занозы
в несуществующей душе...
(Читатель жрёт уж рифму розы —
как помидорину в борще...)
Да нет, я не о том. Ломброзо,
певец петлистости ушей,
сказал однажды, правда, прозой,
что гений это псих, ваще.
Тут можно усмотреть угрозу,
но нам Ломброзо не указ.
А ну-ка примем старта позу¹²
и — неастрально — в небо — раз!

¹² *Вариант: спирта дозу.*

ВПРИСЯДКУ

Как подсолнечный знак¹³ залузган,
издавая то рык, то стон,
я вприсядку скачу за плугом,
как советовал граф Толстой.

Не кузнечик, но саранча я,
кукарача и таракан.
Лично Пушкин меня не чаял
ли в лебядкин словить стакан?

Я не дамся поэту-внуку
Ганнибаловых злых кровей,
а явлюсь сновиденьем-в-руку,
препекаемый корифей.

В этом сне, может быть, *четвёртом*,
Золочёного века сне,
я примщусь суеверному чёртом,
чтоб отстал и не мнился мне.

Но наскучив скакать присядкой,
я пойму: эта скука — знак,
и Ахилловой дрыгну пяткой,
наколовшись на дохлый знак.

¹³ Автору известно, что подсолнечник не относится к злаковым культурам.

ОСЕНЬ

Хотел сказать, что осень не весна,
что сна,
о том, что лето только будет,
и не было.

и небо,

ждя дождя,

не летнего,

безудержного, тёплого —

сентябрьского,

безудержного злого,

протопало,

как лето и жара.

И что пора —

на зимние *сортиры*...

Но поглядел на новости стихирь

и понял: опоздал.

Уже вчера

все высказались по погодной теме,

а я — не в теме...

Что мне делать с теми,

кто, как и я, но не в моей системе!..

Ах, нечего мне пыжиться с утра,

и про стишки забыть давно пора...

ДЕТИШКА

Уже под глазами синеют мешки
и левый слезами застит.
Уже не смешны и натужны стишки,
их биты тузы и масти.
Зато и смыслы смешны, и тот,
заумный звучащий цокот,
который, казалось, переживёт
меня и век не усохнет.
Игрался в поэта, чурался проз,
лелеял лицо и имя...
Меня же не принял никто всерьёз
и уж никогда не примет.
Не предупредителен и не нагл.
Не глуп, и нигде не слишком...

Я не непонятый маргинал,
а просто: старый детишка.

* * *

Подхожу к воротам
абсолютного небытия.
Что же там, впереди? —
Впереди только небо и я.
В небесах никого,
да и нет этих самых небес.
Впереди пустота.
Мир, как призрак, поблёл и исчез.
Вот и думай теперь —
он казался ли? существовал?..
Да и думать — кому?
Я же тоже: мелькнул и пропал.

Я УМРУ В БЕСПОРЯДКЕ ПРЕДМЕТОВ

Я умру в беспорядке предметов,
беспардонных и — да! — беспородных,
пылью плюшевой пóлитый лета
или ею же в зим полугодник.

Куклолом лупоглазые очи
тупо вспялит на серое тело.
Виртуальные псы-тамагочи
отрычат меня неоголтело.

Шустрым бесом на мрачных парадах
в преисподню сойду, семена я.
Но родня соблюдёт беспорядок,
крестным прахом меня отменяя.

ПАМЯТЬ

(диалог)

— А помнишь, такой тут ходил Воловик?

Его звали Саша, а был он старик...

Ну, лысый такой и немножко в очках...

— Да помню я, помню Воловичка.

Он, кажется, что-то пописывал, да?

— «Поэт-юморист». А стишки — ерунда.

Не публиковали — он плакать не стал,
кропал свои вирши на принтере сам.

— А что ты вдруг вспомнил-то Воловика?

— Не знаю... Да хрен с ним. Плесни-ка пивка.

V

* * *

Писать про Путина, про Трампа —
да что скучнее может быть!
Не лучше ли хорей от ямба,
как мы ни бились, отличить.

* * *

Мысль появляется повсеместно
Эта — где-то около Сокола.
Душа — существенно бестелесна.
Формула тела. Не кусок его.

* * *

Изготовление идеи из слов
ниспровергает все основы основ.
Но если сцеплены надёжно слова,
идея может зародиться сама.

* * *

Французам кажется, что англичане
всего охотней говорят о чае¹⁴.
Но только забывают об аксанте.
А скажешь им — ответят: ах, отстаньте¹⁵!

ПРЕДАНИЕ ПРО ПЕРЕЕДАНИЕ

Кисель и каши ты съел икавши.
Нимало мняся, умял и мясо.
Сыры — до кучи (сыры, докучны).
И — с вилки лёгкой — вкусил селёдки.
Пал, юный, в полдень, полунаполнен.
Тоскуй, скучая, взыскуя чая!

¹⁴ Чай по-французски: *le thé*

¹⁵ *Oh, leave me alone!*

* * *

Дар божий никак иссяк.
Бар дожий. Кабак собак.

* * *

Порой всё ясно мне,
как дважды два четыре.
Скажи «Во глубине...» —
и ты уже в Сибири.

* * *

— Скажи мне, почтенный товарищ,
на грабли зачем наступаешь?
— Зачем наступаю на грабли? —
Да это такая игра, блин!

* * *

Откусив кусочек пармезана
и монарха увидав воочью,
— А король-то голый! — вдруг сказала
королева перед брачной ночью.

* * *

Я не какая-то там бука,
а верный подданный Фейсбука!

* * *

Среди выкриков бравурных
тенорок мой дик и глух,
как курящий физкультурник
среди пламенных старух.

* * *

Назвался бы я Петро́м, но —
не Великим: это стрёмно

* * *

Божья искра с Божьей карой
ходят быстро дружной парой.

* * *

Смысл кажется един, пока не
сообразишь: сменить нельзя ли?
Добро должно быть с кулаками,
у них которое изъяли.

* * *

Мы совсем не постарели,
нами правит тот же бес.
Пушкин, Пушкин, я Сальери.
Моцарт, Моцарт, я Дантес!

ДЕВЫ ТОПЛЕСС

— На воде вы? Стоп, лес!
— Но ведь девы — топлесс!
— Да и дела-то — смех! —
Додел их, и — в снег!

* * *

Я стану мартышкой меж файлов и сайтов,
Случайно набившею сагу форсайтов.
А может, и парочку войн и миров
на эрике древней набрать я здоров!

* * *

Не ради награды, не для похвалы
я ложек не крал и не писал в углы.
Медали и прочие сласти — *накой!*
Я, знаете, *просто* хороший такой.

* * *

Где белугой белый полдень гудел,
дед голубил колыбель, полубел.
А где малый балабонил и пел,
голубиный балаган голубел.

* * *

Ухи заткни, вития, ватой.
Слог разверни витиеватый.

* * *

В ресторане
 на основе
 прочной зиждись
и баранье
 заливное
 закажи здесь.

* * *

Петушок затем пропел нам,
небо крыльями мяса,
чтобы метрополитеном
мы воспользовались.

* * *

Разил ОМОН, чтоб сгинул я,
резиновой дубиной.
Лежу и на резину я
гляжу, иронизируя.

СОДЕРЖАНИЕ

I	
МИР БЫЛ ПРЕКРАСЕН.....	3
МОСКВОСТРОЙ.....	4
ПАРАДИГМА.....	6
ПИГМАЛИОН.....	7
На арене на международной.....	8
Вот город Киев. Я гуляю в нём.....	9
УТИ-ПУТИ-МУТИ.....	10
II	
В ЧЕБУРЕЧНОЙ «ДРУЖБА».....	11
LEGO ЖИЗНИ.....	12
НЕ УМ, А ЗВУК.....	13
РЕДКИЙ СЛУЧАЙ.....	14
НА УТРАТУ КНИЖКИ № 110.....	15
Нематерьяльное — причуда языка.....	16
ПАССИОНАРНОСТЬ ПАССИВА.....	17
А.В.ТОПАРОДИЯ.....	18
И СКЛАДНО, И НЕСКУЧНО.....	19
ВИТАЛИЙ ГЛЕБОВИЧ.....	20
И НЕ НАЙДЯ.....	21
ФЕРМАТА.....	22
III	
СМЕЮНЧИК.....	23
Был Иван бонвиван.....	24
ЭКЗЕРСИС.....	25
Мы йодим, ядим, юдим.....	26
на апельсиновом заводе.....	27
Дочь умница февраль потеха.....	28
ВРЕМЯ «Ч» РИМСКОГО ВОИНА.....	29
НЕ ДО СЕМАНТИКИ.....	30
я не пожарный и не инок.....	31

КАНЮК ПО СРЕДАМ.....	32
В СЕДЬМОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	33
ЛОРЕЛЕЯ И ДИАРЕЯ.....	34
Раз сказал я Гале, рея.....	35
АБОРИГЕНЫ АНТАРКТИДЫ.....	36

IV

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ.....	37
ФИГУРЫ СНА.....	38
Люблю я буквы разные красивые.....	39
Стою на том, что стою что-то всё же.....	40
Я живу в первичном мире.....	41
ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ГЕРЦИКА.....	42
Я маленький никтошка.....	43
СОЖРЁТ.....	44
НЕАСТРАЛЬНОЕ.....	45
ВПРИСЯДКУ.....	46
ОСЕНЬ.....	47
ДЕТИШКА.....	48
Подхожу к воротам.....	49
я УМРУ В БЕСПОРЯДКЕ ПРЕДМЕТОВ.....	50
ПАМЯТЬ.....	51

V

Писать про Путина, про Трампа.....	52
Мысль появляется повсеместно.....	52
Изготовление идеи из слов.....	52
Французам кажется, что англичане.....	52
ПРЕДАНИЕ ПРО ПЕРЕЕДАНИЕ.....	52
Дар божий никак иссяк.....	53
Порой всё ясно мне.....	53
— Скажи мне, почтенный товарищ.....	53
Откусив кусочек пармезана.....	53
Я не какая-то там бука.....	53
Среди выкриков бравурных.....	53

Назвался бы я Петро́м, но.....	53
Божья искра с Божьей карой.....	54
Смысл кажется един, пока не.....	54
Мы совсем не постарели.....	54
ДЕВЫ ТОПЛЕСС.....	54
Я стану мартышкой меж файлов и сайтов.....	34
Не ради награды, не для похвалы.....	54
Где белугой белый полдень гудел.....	55
Ухи заткни, вития, ватой.....	55
В ресторане на основе прочной зиждись.....	55
Петушок затем пропел нам.....	55
Разил ОМОН, чтоб сгинул я.....	55
Завывала музыка, вызывала музу.....	56
Поэтессе одной из Рязани.....	56
С утра утрату страха быта.....	56
Старикан-иностранец Собакен.....	56
Глянь в окошко.....	56

Александр ВОЛОВИК

КУРС КУРСОРА

Стихи 2018–2019

Подписано в печать 31.01.2020.

Лит.-худ. изд. Формат 60x84¹/₂₄

Гарнитура «Verdana»

Вёрстка: А.И. Воловик

Издательский дом «Вручную»